

(Окончание. На 2 стр.).

Так родилась мысль воздвигнуть памятник Гани. Курманбек даже подыскал подходящего мастера для будущего монумента. Комсомольцы поддерживали идею, но в итоге равновесие лопнуло: деньги на памятник были израсходованы.

— Почему нужно ставить памятник в Чимкенте? Ведь Гани — выходец из Казалинского уезда Кзыл-Ординской области. А самое главное, — закончил секретарь, — у нас нет денег по смете.

— Верно, Гани родился не в Чимкенте, — согласился Курманбек. — Но мы родились в Чимкенте! А деньги на памятник будут. Это не наша забота!

Через несколько дней на улицах Чимкента жителям города читали широкопопулярные афиши. Содержание их было чрезвычайно заманчиво для любителей вокального искусства. Повесть Курманбек Жандарбеков бралась списать 101 песню в течение одного вечера. На афише были перечислены эти песни — казахские, киргизские, уйгурские, узбекские и даже турецкие. Аликшер Бейсенов обещал посвятить слушателей комическим рассказам. Весь честный сбор с концерта предназначался на постройку памятника Гани Муратбаеву в Чимкенте.

Это был исключительный по своему замыслу концерт. Сто одна песня! Люди незаслуженно почтили головами. Какое горло должно быть у певца, решившегося на такой рискованный поступок! Нет ли здесь тайного обмана?

Но никакого обмана не было. Благодарная цель способна толкнуть честного человека на свершение любого подвига. А цель была самая благородная — обессмертить имя Гани Муратбаева!

Курманбек открыл свой концерт песней «Саулемей». Да никак и быть не могло! С нею у него были связаны самые дорогие, самые светлые воспоминания о Гани, комсомольце большого сердца.

Концерт шел в летнем театре. Вечер был на редкость жаркий. Стояла страшная духота. Петь было невозможно. Курманбек вынул из кармана бутылку и выпил. После каждого десяти песен он выступал с юмористическими рассказами, а Курманбек в это время пил ледяную воду, приносенную из арки.

Вот уже исполнены шестьдесят с лишним песен. Слушатели переглаживались с восхищением. Они радовались за своего неутомимого певца. Но кто-то, имевший слабое сердце, не выдержал и закричал:

— Довольно, Курманбек! Мы верим, что ты можешь спеть сто одну песню! Довольно, не мучай себя!

Концерт кончился, слушатели разошлись. На другой день Курманбек пошел к врачу. Тот осматрел его горло и сказал:

— Вы потеряли навсегда свой голос. Курманбек, больше вы никогда не будете петь.

Жадные люди расхитили деньги с собрания Курманбеков и Аликшеров. В Чимкенте не возмужала памятника Гани Муратбаеву. Повесть потеряла голос, который сравнивался с голосом Амре Кашаубаева. Но актером Курманбек остался, и он был одним из первых казахских режиссеров. Он ставил пьесу Мухтара Ауэзова «Керекес».

А вспоминаю актеров, с которыми жил в столице республики Кзыл-Орда, когда там родился национальный драматический театр, — Калибека Куанышпаева, Серке Кожамкулова, Иссу Байжакова, Амре Кашаубаева. Все они прошли сложный, но радостный путь в искусство.

В день открытия казахского театра выступал молодой артист Капан Бадыров. Он держался на сцене неплохо, но хуже других актеров, вчерашних любителей, но все же запом-

нился зрителям своим выступлением не в спектакле, а в divertissement. Когда непобедимый борец Хаджи-Мукан, принявший послонное участие в концерте, вышел на сцену показывать свою легендарную силу, именно Капан помог ему продемонстрировать стальную мощь его грудной клетки.

Всякий, кто был в тот день в театре, хорошо помнит, как борцу положили на грудь медный кант и как Капан Бадыров, красавец атлетического сложения, вооружившись тяжелым кузнечным молотом, расколот огромный камень на несколько кусков.

Вот с этих двух выступлений — в спектакле и в концерте — началась творческая жизнь Капана Бадырова.

Первый спектакль Казахского национального театра драмы! Кто бы мог тогда предположить, что этот январский вечер войдет в жизнь казахских актеров историческую дату. Для первого спектакля была выбрана лучшая пьеса того времени — «Енлик-Кебек».

Либретто история рождения этого драматического произведения.

Великий казахский поэт Абай, проезжая однажды мимо древнего кургана, обратил внимание сопровождавших его молодых акынов на две старые могилы: насыпи, почти сравнявшиеся с землей.

— Странную тайну хранят они в себе, — сказал Абай. — И каждый раз, когда я вижу их, чувствую себя должником. Мой долг им — долг поэта! Здесь похоронены джигит и девушка. Его звали Кебек, ее Енлик. Жесткий розовой обаял принуждал тех, кто жил в одно время с ними, убить их обоих.

Абай так и остался должником перед казахскими Ромео и Джульеттой. Позднее его сын Маговым написал поэму по мотивам народной легенды «Енлик-Кебек». Ее старательно переписывали: аутентичные грамматики. Тайна двух могил в урочище Ералы перестала быть тайной.

Рукопись поэмы Маговым попала в руки всезнающего учителя семинариста Мухтара Ауэзова, обучавшего в Семипалатинске. Ее сюжет, насыщенный драматизмом, показался ему достойным для передачи поэтического произведения в драматическом. Так родился первый вариант пьесы «Енлик-Кебек».

В абаявском ауле в пятидесятых километрах от знаменитой могилы в урочище Ералы, куда на каникулы вместе со своими старшими братьями начинающий драматург, происходивший из рода Батыра, вторая жена Абая, вдова Айтерим, выдала замуж своего внука Акши. Молодежь, уже приобщившаяся к городской культуре, решила сделать необычайным необычайный подарок — показать спектакль. Мухтару Ауэзову пришлось принять на себя обязанности режиссера. Задача была не легкая: среди артистов обнаружилось совершенно неграмотные джигиты, неспособные заучить роль наизусть. Но самое печальное — для спектакля не нашлось исполнительницы ролей Енлик и ее матери. Ни одна женщина-казахка не согласилась в те годы выступить на сцене. Роль Енлик пришлось играть юному, джигиту, учившемуся в городе.

Артисты составили две длинные белые юбки вместе, вшив в стирку часть кереге. Образовавшаяся арка была занята пологом, он вполне заменил театральные занавесы. Суфлерский бункер не было, и автор пьесы спрятался за обшитый жесткой сукнушкой.

Так на джайлау Ой-Кузук был поставлен первый спектакль «Енлик-Кебек». В нем роль шамана Нысан-Абыза играл сын Абая Искандер, который слышал не раз от отца ле-

генду «Енлик-Кебек».

За пять суток трудно было неопытным артистам выучить роли, да и сукнушкой оказалась плохой суфлерской будкой. Как ни надрывался Мухтар, артисты его не слышали. Но спектакль не провалился. Пришло на выручку искусство импровизации, распространенное в казахском народе.

Вот эту пьесу «Енлик-Кебек» и разыгрывали на сцене первые актеры. Постановщиком спектакля был Серке Кожамкулов. В первом акте он играл отца Енлик — Ахана, а в четвертом и пятом — Еспембета, Елеубай Умуразов совмещал две роли: старика-кудесника Абыза и молодого пастуха Кюшби. Калибек Куанышпаев первоначально играл небольшую роль старшего брата Караканде, но затем стал совмещать и роль Кебека.

Что можно сказать об этой премьере, когда артист играл две роли в одном спектакле, первоначальное и перерисовывалось с пожарной скоростью, чтобы успеть вовремя выйти на сцену?

Она мало чем отличалась от постановок художественной самодеятельности.

Спустя восемьдесят лет, приехав в Алма-Ату, я попал на шекспировский спектакль «Угрошение строптивой». Он поставлен О. Пыжовой и В. Бибиной в годы Великой Отечественной войны на сцене хорошо знакомого казахского театра. Это было чудо. И сейчас мне трудно найти слова, чтобы точно определить совершенно сказочный рост театра, прошедшего тернистый путь от постановки ерденевского «Милкамбаба» до шекспировского спектакля.

Во время антракта я прошел за кулисы и нашел здесь своего старого друга Серке Кожамкулова.

Что ты скажешь про Катарины и Петруччио? — спросил он. — Бибины, как артисты, есть теперь в нашем театре! Сейчас у нас группа совсем другая, чем была раньше. Теперь мне не приходится играть старуху.

Роль Катарины исполняла Халиша Букева, а Петруччио — Шакен Айманов.

В те годы, когда на сцене шел замечательный шекспировский спектакль, и казахи, и русские стремились увидеть эту утку высшего таланта актеров. Смотрел их, вероятно, не один раз приехавший с фронта Герой Советского Союза писатель Малик Табылдун. Впоследствии ему пришлось поехать в Англию, и когда он вернулся домой, побывав на родине Шекспира, Алексей Бרגин посвятил ему стихи:

В Стратфорде, в тихом
прямуюлином сквере,
Привольем дальней Родины
дыша,

Он вспомнил нас в театре
на премьере,
Друзья мои, Шакен
и Халиша.

Он вспомнил голос, полный
трубной мелан,
Строптивую смиривший до
копца,

А у нее смуглее смуглой
леди
Цвет кожи чуть суклодотого
лица.

Пускай английской резке
и гортанной
У Халиши порывистая речь.
Пуст уток глаз надменное
сверканье

Вас может разом облюбить
и сжечь.

Но это Кат! — Я
утверждаю гордо.

А ты, Шакен, — Петруччио
портрет.

Музейные ценители
Стратфорда

Узнают в вас Петруччио
и Катт.

В языке казахского народа

не было таких слов, как спектакль, пьеса, декорация, суфлер. Казахский театр родился и вырос при Советской власти. Фундамент его заложили народные устелители, выступавшие на ярмарках и тоях. С помощью русских режиссеров они прошли большую школу и стали великодушными профессиональными актерами, завоевавшими славу далеко за пределами нашей республики. Былшир батрак в легкой извозчик Калибек Куанышпаев получил звание народного артиста СССР. Такое же высокое звание присвоено и Шакену Айманову.

Сотни статей написаны о выдающихся достижениях казахских актеров. Они показали свое высокое искусство в пьесах казахских драматургов Ауэзова, Мурсепова, Муканова, Тажимаева, Абшеша, Хусникова. Они играли в комедиях Гоголя и Островского, познакомили казахского зрителя с шедеврами Шекспира, Гольдони, Мольера.

Но ведь для того, чтобы построить дворцы культуры металлургов в Темир-Тау и Каратае, надо было в свое время открыть для коменников красную юрту в степи. Без «Милкамбаба» не смогли бы прийти на казахскую сцену герои Шекспира.

...Скорее лет прошло с тех пор, как начинающий драматург Мухтар Ауэзов заплотил долг за Абай и не только написал, но и поставил в ауле свою пьесу «Енлик-Кебек». Она вошла в историю Казахского академического театра драмы подобно чеховской «Чайке» в МХАТе. Но и в догилый Абай не остался в долгу перед драматургом. Он принес великую славу Мухтару Ауэзову, как главный герой романа-эпопеи «Путь Абая», переведенного на десятки иностранных языков.

Курманбек Жандарбеков, потерявший в Чимкенте голос, не потерял веры в творческие силы казахского народа. Он отдал свою жизнь театру. Пройдя сложный путь в искусстве, народный артист КазССР возглавляет сейчас Казахский академический театр драмы. Взыскательное целое поколение артистов оперы и драмы, среди которых немало заслуженных и лауреатов.

Мы помним Капана Бадырова, его выступление в спектакле «Енлик-Кебек» и участие в divertissement. Молодой актер в две минуты раскопал тогда кузнечным молотом тяжелый камень на могиле Гани Муратбаева. Сейчас Гани Муратбаев — Герой Казахстана. Уроженец Батыра — народный артист Казахской ССР, проживший большую и яркую жизнь в искусстве, тонкий художник и талантливый мастер сцены.

Бывший начальник милиции Динисовского района Ибраев пришел в кино посмотреть новую картину «Песни Абая». На экране он увидел народного артиста КазССР Елеубай Умуразова, исполнявшего роль бая Ердена.

— Этот артист служил у меня младшим миллионером! — хотел похвастаться старик Ибраев своим другом, но после некоторого раздумья воздержался. Он вспомнил знойный летний день, унылое звание домзак и Елеубай, сиваевого на посту с берданкой и распевавшего «Шалкар колы».

Ничего не скажешь, младший миллионер поступил тогда мудро, избрав для себя не легкую, но благодарную профессию актера. Возможно, служа в милиции он сумел бы со временем дослужиться и до высокого поста начальника райотделения, но вряд ли Елеубай принес бы Родины столько славы и столько радости своему народу, сколько принес, работая на сцене театра.